

Этносоциология

© 2005 г.

Г.А. ПОГОСЯН

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АРМЕНИИ

ПОГОСЯН Геворг Арамович - доктор социологических наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Республики Армения.

Реформы в экономической, политической и социальной жизни Армении начались после распада Советского Союза и приобретения страной государственной независимости. Они не завершены, находятся на стадии развертывания, процесс социальных преобразований носит динамичный характер. Однако определенные последствия введенных реформ уже видны в реальной жизни. Назрела необходимость научной оценки периода жизни нашей страны, который политики и реформаторы окрестили "переходным".

Можно ли использовать для этой оценки западные *теории модернизации*? Следует отметить, что в последние десятилетия они подвергаются критическому пересмотру. Суть теоретической ревизии заключается в осознании того, что нет универсальной модели модернизации для всех стран, вставших на путь "постиндустриального" развития. "Постиндустриальная" стадия, которая наступает после индустриально развитого капиталистического строя [1], представляет собой грядущий социальный порядок, но цивилизационные пути, ведущие к нему, различны [2]. В частности, постсоциалистические страны, вовлеченные в современные процессы социальной модернизации, испытывают очень серьезные трудности развития, вплоть до "отката" назад, частичной деиндустриализации и даже некоторой архаизации отдельных сфер экономики. Классические западные модернизационные модели, механически применяемые к обществам постсоветского пространства, как правило, не "работают". Проблема здесь, прежде всего, заключается в неразработанности *этно-культурных модернизационных моделей*.

"Переходный" период в Армении затянулся, и стало очевидно, что идет процесс коренной ломки всей системы в виде ряда последовательных трансформаций, конечные результаты и сроки которых не очень известны инициаторам реформ. Подчеркнем: именно термин "*трансформация*" больше всего соответствует характеру тех процессов, которые переживает наше общество. Не "реформы", не продуманная "реконструкция", не просчитанный "переход" или контролируемый "перевод" общества из одного состояния в другое. Все эти понятия не могут достаточно удовлетворительно описать происходящее. В.А. Ядов по этому поводу пишет: «Адекватное понятие, которое свободно от "векторной нагрузки", - это понятие трансформации» [3]. Иначе говоря - это вышедшая из-под контроля "реформаторов" социальная реконструкция, которая в результате вылилась в самостийную трансформацию общества.

Исход системных реформ в постсоветских странах остается неясным как для самих реформаторов, так и для сторонних аналитиков. Каким бы ни был их конечный

результат, он не будет повторять в точности опыт Запада, в силу особенностей политического и экономического наследия в этих странах. Как считает американский социолог Н. Смелзер: "Эволюция России в следующие десятилетия заставит нас пересмотреть и подвергнуть переоценке наши нынешние теории развития" [4]. Известный социолог Ф. Фукуяма, в частности, замечает: "Одной из основных проблем Польши, Венгрии, России, Украины и других бывших коммунистических стран является то, что они попытались создать демократические политические институты, не обладая преимуществами функционирующей капиталистической экономики. Отсутствие частного предпринимательства, рынков и конкуренции не только приводит к усугублению бедности, но и препятствует формированию крайне необходимых форм общественной поддержки для надлежащего функционирования демократических институтов" [5]. Действительно, сегодня постсоветское пространство представляет собой чрезвычайно пеструю картину либеральных, псевдолиберальных и откровенно авторитарных режимов.

Реформы переходного периода в Армении условно принято разбивать на три этапа: а) первый (1991-1995 гг.) - начало институциональных реформ; б) второй (1995—1997 гг.) - этап относительной стабилизации и некоторого макроэкономического роста; в) третий этап начался с 1998 г. и продолжается по настоящее время, характеризуется стратегией перехода "от стабилизации к развитию". Реформы призваны решать поистине исторические задачи фундаментальной реорганизации и реструктурирования экономики, создания фактически новых субъектов экономики и введение новой системы собственности. Опыт показал, что по своим масштабам задачи эти во много раз превосходили концептуальный потенциал армянского реформаторского правительства.

Трансформация экономики. Как теперь выясняется, архитекторы армянского реформирования не имели четкого генерального плана и специально разработанной национальной концепции развития общества. Переходная экономика стала камнем преткновения не только для Армении, но и для других стран бывшего Советского Союза и социалистического лагеря. Многие страны, особенно в первые годы реформирования, испытали так называемый "трансформационный спад", выражающийся в резком падении производства, потере рынков, остановке предприятий и массовой безработице. В случае Армении, в силу целого ряда экстремальных неблагоприятных геополитических условий, "трансформационный спад" привел к явлениям деиндустриализации страны, откату к архаическим формам хозяйствования, в частности, в сельском хозяйстве. По мнению западных специалистов, Армения котируется среди стран среднего уровня развития "с паразитическими авторитарными государствами" [6].

Что касается, например, сельского хозяйства, в результате непродуманной земельной реформы новые владельцы земли вынуждены были перейти к хозяйствованию с применением физического ручного труда членов крестьянских семей и превалярованием натурального хозяйства. Социологические исследования, проведенные в республике под руководством автора, свидетельствуют о том, что приватизация земли была проведена во многих случаях с нарушениями принципа справедливости и ущемлением экономических прав крестьян. Кроме того, из-за высокой миграции произошло "старение" сельского населения Армении. В результате, по данным исследования, треть частных земельных наделов совсем не используется крестьянами. Процесс накопления капитала у частных землевладельцев идет медленными темпами. Практически отсутствует приток частных капиталовложений извне. Хотя агросектор республики был приватизирован в первую очередь, он не смог достаточно хорошо развиваться и вести за собой другие секторы экономики.

Стратегии ваучерной приватизации объектов промышленности привели к тому, как показывают исследования, что из 3-х миллионов безвозмездно розданных населению сертификатов через несколько лет практически все были перепроданы за го-

раздо меньшую цену (30-40% от номинальной стоимости). В результате сертификаты скопились в руках у очень малой части населения (7% бизнесменов), которые и приняли участие в приватизации промышленных объектов. Общественная собственность, сконцентрированная прежде полностью в государственном секторе, посредством процессов разгосударствления перешла и сконцентрировалась в руках небольшого слоя частных владельцев и олигархов.

Причиной этому является не только крайняя бедность людей, но также нежелание госчиновников "подпускать" простых граждан к приватизации имущества. Фактически главный участник экономических реформ - население страны - был вытеснен из процесса приватизации благодаря усилиям чиновников и бюрократов различного уровня. Катастрофически возросло имущественное расслоение общества, и процесс экономической модернизации был сорван. Можно утверждать, что именно поэтому так и не образовался средний класс частных собственников.

В Армении создан смешанный, гибридный вариант экономики, где, наряду с рыночными механизмами, существуют государственные, а также, не менее сильные, клановые регуляторы. Рыночная экономика в целом ряде секторов оказалась неконкурентной и монопольной. Армянская модель экономической трансформации на сегодняшний день, по нашему определению, представляет собой постсоциалистический рынок без развитой и свободной конкуренции и в значительной мере управляемый кланово-государственными регуляторами.

Развитие института многопартийности. После долгих лет доминирования однопартийной коммунистической системы во многих постсоветских странах, в том числе и в Армении, образовалось большое количество политических партий, объединений, блоков и движений. В отличие от классической модели многопартийности [7], предполагающей наличие двух-трех, иногда четырех, партий, в постсоциалистических обществах сложилась иная система *полипартийности*, подразумевающая наличие нескольких десятков или даже сотен партий. Так, в 2002 г. в Армении существовало 114 зарегистрированных политических партий и блоков, России - 198, Украине - 126, Грузии - 145, Киргизии - 40, Эстонии - 28. Лишь в Туркменистане официально зарегистрирована только одна партия, возглавляемая президентом страны Ниязовым.

Причиной подобного партийного плюрализма в Армении и других постсоциалистических странах является особая культурно-историческая и политическая ситуация, когда на смену многолетнему вынужденному режиму однопартийности приходит юридически не ограниченный политический плюрализм. Большинство официально зарегистрированных партий заметной роли не играют в политической жизни республики, некоторые существуют только на бумаге. Многие партии состоят из небольшого количества лиц, сгруппировавшихся вокруг лидера партии, у них нет серьезной социальной базы, они не представляют интересы широких слоев населения. Партии проявляют активность лишь от выборов к выборам, а в промежутке между парламентскими или президентскими выборами практически "исчезают" с политической арены.

Опросы на протяжении более чем десяти лет позволяют проследить за динамикой отношения армянских избирателей к наиболее известным политическим партиям [8]. Оказалось, что лишь небольшая часть населения с одобрением относится к партиям и их деятельности. В основном отношение населения негативное: большинство избирателей не испытывает никаких симпатий ни к одной из политических партий. Парламентские выборы 2003 г. продемонстрировали новое явление в Армении. Наряду с классическими политическими партиями стали возникать новые объединения - такие, как административно-политические, включающие в свои ряды многочисленных представителей государственной администрации и властвующей элиты. Кроме того, под видом политических партий начали активно действовать финансо-

во-экономические объединения, преследующие вполне определенные групповые интересы.

Анализ тенденций развития политических партий позволяет сделать вывод о том, что в среднесрочной перспективе можно прогнозировать концентрацию действующих в Армении партий вокруг трех основных идеологий, которые будут формировать в будущем политическое поле Армении, - либерально-демократической, национально-социалистической и социал-демократической (или обновленной коммунистической).

Становление института демократических выборов. Существуют серьезные отличия в понимании демократии в постсоветских обществах и на Западе. Для западного человека демократия прежде всего означает участие граждан в принятии решений на различных уровнях управления государством. Для граждан бывших советских республик, в том числе Армении, как показывают социологические исследования, демократия - это прежде всего обеспечение различных свобод: свободы слова, совести, передвижений и т.п. Европейец мыслит в категориях *партиципаторной демократии*, в то время как граждане постсоветских стран удовлетворяются *представительной демократией*, и их участие в политических процессах сводится в основном к голосованию на выборах.

В период между выборами участие граждан в политических процессах практически минимально. В Армении очень слабо развиты или вообще отсутствуют нетрадиционные (неортодоксальные, по А. Маршу) [9] формы политического участия. Декларируя либерально-демократические реформы, власти на самом деле не очень заинтересованы в привлечении населения к реальному управлению социальной и политической жизнью.

Проведенные нами опросы свидетельствуют о том, что простые граждане не очень уверены, что даже участие в выборах может позволить им оказывать влияние на процесс принятия решений в Армении (46%). Большинство опрошенных (62%) заявили, что не считают Армению демократической страной, а 16% называют ее "частично демократической". При этом в общественном сознании современных армян странным образом сочетаются высокая степень политизированности и недоверие по отношению к демократическому институту выборов, возможности электората влиять на результаты выборов. Подобные настроения проявляются в поведении, которое характеризуется нами как поведение "протестного электората". Электоральная активность наших граждан в период 1991-1998 гг. постепенно снижалась. "Социальный нигилизм" и "кризис доверия" наиболее точно характеризуют содержание отношений между обществом и властью.

Проблемы свободной печати и "четвертой власти". Пожалуй, из всех достижений демократии население больше всего оценило свободу слова и свободу печати. Это - самое неоспоримое завоевание демократических реформ после долгих лет советской политической цензуры. Всемирное телевидение через спутниковые антенны и кабельную связь стало общедоступным. В настоящее время в Министерстве юстиции РА зарегистрировано несколько сотен СМИ, регулярно издаются 150 газет, действуют 30 национальных и местных телекомпаний, около десятка FM-радиостанций и 5 информационных агентств.

По данным нашего анализа, основным источником информации для подавляющего большинства населения республики (83%) является телевидение. Небольшая часть (12-15%) является регулярным слушателем радиопередач, менее 10% читают газеты. После советского периода постоянная читательская аудитория печатных СМИ в Армении сократилась в десять раз. Две главные причины такого сокращения: первая - дороговизна газет для большинства населения, вторая - недоверие людей (26,5%) к публикациям в прессе. Именно печатные СМИ больше всего потеряли доверие в глазах населения. И эта проблема в условиях свободы слова и независимости печати стала, пожалуй, ключевой в сознании трансформирующегося общества.

Уровень журналистики, по мнению самих журналистов, заметно снизился. Опрос, проведенный организацией Promedia/IREX [10] под руководством автора, выявил абсолютного лидера читательской популярности - еженедельную газету "Етер" ("Эфир"), в которой публикуется программа телевидения и радиопередач.

Абсолютное большинство СМИ находится в частном секторе. В результате независимость газет от властей обернулась зависимостью от партий-учредителей или финансовых спонсоров. Независимость СМИ остается труднодостижимой целью. Социологический анализ показывает, что процесс становления "четвертой власти" в Армении затягивается. Причиной тому являются, с одной стороны, малые тиражи газет и небольшой охват аудитории. С другой, - общественное мнение еще не обладает достаточной силой воздействия на власть. Поэтому проблемы, поднимаемые СМИ, чаще всего остаются без внимания со стороны властей.

Социальная структура общества. Стратификационная структура общества относится к числу его базовых характеристик. В ней явственно просматриваются как последствия уже осуществленных реформ, так и актуальное состояние общества, тенденции дальнейшего его развития. Социальная структура - одна из устойчивых, консервативных, трудно поддающихся быстрым изменениям подсистем общества. Если же изменения затрагивают ее, то они, как правило, носят необратимый характер. По меткому замечанию академика Т.И. Заславской, социальная структура - это "солнечное сплетение" общества [11].

Некогда универсальная для всех советских республик стратификационная структура подверглась необратимым изменениям. Наши исследования позволяют выявить трансформационную структуру современного армянского общества, которая не является окончательно завершенной, но фиксирует происшедшие разительные перемены. Исследования дают основание предложить следующую модель стратификационной структуры армянского общества:

верхний слой, включающий политическую и экономическую элиту, крупных собственников, олигархов и директорский корпус ведущих индустриальных и торговых корпораций, - 5-7%;

средний слой, включающий мелких бизнесменов и предпринимателей, частных владельцев, высокооплачиваемых профессионалов, госчиновников и управленцев, - 10-12%;

основной слой - рядовые служащие, рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, пенсионеры, мелкие торговцы, работники сферы обслуживания и временно нетрудоустроенные - 65%;

социальное "дно" — бродяги, бомжи, хронически безработные, проститутки, социальные "аутсайдеры" - 15%.

Здесь, конечно, представлены самые основные слои и группы населения. В целом армянское общество стало более "многослойным", внутренние различия между уровнем жизни различных социальных слоев многократно возросли, увеличилась социально-экономическая дистанция между слоями. Численность рабочего класса резко сократилась (на 310 тыс.), существенно возросло количество работников сферы торговли и обслуживания, появились совершенно новые социальные прослойки, которых не было в прежней социальной структуре (крупные собственники, олигархи, бизнесмены, с одной стороны, а с другой,- безработные, бомжи, проститутки, люмпен-слои). Произошел также процесс своего рода маргинализации общества, роста маргинальных слоев населения.

Трансформационную структуру армянского общества, сложившуюся на сегодняшний день, отличает аморфность, крайняя неустойчивость и неопределенность, что является характерным для "переходных" обществ.

Падение уровня жизни или "новая бедность". Беспрецедентный рост безработицы привел к массовому обнищанию армянского населения. Перед трансформирующимся обществом во весь рост стала тяжелейшая проблема бедности. Мы развиваем

концептуальную точку зрения, согласно которой этот новый для армянской действительности феномен следует квалифицировать как "новую бедность". Ее следует рассматривать не как наследственную, а как приобретенную бедность, как результат реформ и фундаментальной ломки прежней экономической системы, а не как хроническое состояние армянского общества. Это социальное зло грозит перерасти в хроническое состояние, но таковым сейчас не является. Оно не было присуще армянскому обществу на протяжении всего советского периода.

Существующие подходы к изучению и преодолению бедности, как правило, основываются на опыте третьих стран с огромной долей хронически бедного населения. Бедность в этих странах обычно сочетается с нищетой, неграмотностью, высокой детской смертностью, низкими санитарно-гигиеническими условиями жизни населения. Все это не имеет никакого отношения к феномену постсоветской "новой бедности" населения с высоким уровнем образования, системы здравоохранения и бытовых условий жизни. В Армении слой "новых бедных" пополнили в бывшем достаточно обеспеченные семьи рабочих, госслужащих, интеллигенции, пенсионеров и домохозяек.

Отличительной особенностью армянской "новой бедности" является явно выраженный городской характер. В отличие от третьих стран, где нищета поражает больше всего сельское население, в индустриальной Армении бедность явилась уделом жителей средних и малых городов. Процент бедного населения в стране, по официальным данным, составляет 48%, среди них доля очень бедных равна 16%. Коэффициент неравномерности распределения доходов Джини равен 0,53, что свидетельствует о высокой поляризации среди населения. Разница в доходах между 20% самых богатых и 20% самых бедных слоев населения различается в 32 раза! Децильный коэффициент дифференциации доходов в Армении в несколько раз выше, чем, к примеру, в России. Фактически 10% самых богатых людей в республике владеют почти половиной (46,2%) всего национального дохода. Столь экстремальная имущественная поляризация и наличие огромного количества бедного населения тормозит экономическое развитие, затрудняет его рост. Выражаясь диалектически, экономические реформы породили свою противоположность - бедность, которая в свою очередь стала тормозом для дальнейшего развития реформ.

Уникальность ситуации с армянской "новой бедностью" заключается в том, что значительная часть даже трудоустроенного населения относится к категории бедных, поскольку низкий уровень зарплат не обеспечивает прожиточного минимума. Неординарный феномен бедности среди занятого населения самым наглядным образом свидетельствует о том, что одним только увеличением числа рабочих мест и простым сокращением безработицы бедность в Армении преодолеть не удастся. Кроме того, даже дальнейший рост экономических показателей и ВВП не приведет автоматически к сокращению бедности. Дело в том, что из-за неравномерной доли участия различных социальных слоев в распределении национального дохода дальнейший рост ВВП приводит к усилению существующей дифференциации. Богатые становятся богаче, а бедные еще более беднеют.

Даже создание новых рабочих мест, увеличение заработной платы и сокращение уровня безработицы не в состоянии полностью решить проблему бедности в Республике Армения. Из-за высокой миграции произошло "старение населения" и возросла доля лиц нетрудоспособного возраста. Отток наиболее молодой и экономически активной части населения еще более усугубил ситуацию.

Миграция и депопуляция. Главными историческими переменами последней декады уходящего века не только для Армении, но и для всего Южного Кавказа явились три коренных социальных феномена: депопуляция, моноэтнизация, маргинализация общества. Два первых феномена непосредственно связаны с миграцией населения.

Беспрецедентный по масштабам исторический процесс *депопуляции* в странах Южного Кавказа явился одним из многочисленных негативных последствий распада

СССР. В общей сложности около 3-х млн. человек покинули три республики региона. К концу 1990-х годов общее количество людей, покинувших Армению, достигло приблизительно одного миллиона. Основными причинами, вызвавшими подобную мощную волну миграции, были экономический кризис, военная ситуация, блокада дорог, резкое сокращение рабочих мест и падение уровня жизни. Армения превратилась в экспортера рабочей силы и квалифицированных кадров. Причем речь идет о стихийном, неконтролируемом экспорте трудовых ресурсов [12].

Особенную тревогу вызывает тот факт, что в структуре мигрантов наибольшую часть составляют люди (в основном мужчины) в возрасте от 18 до 55 лет. Около 60% мигрантов с высшим и средним специальным образованием. Согласно официальной статистике доля ученых, инженеров, преподавателей и специалистов среди мигрантов составляла 30% [13]. Подобная социально-демографическая структура мигрировавших значительно ослабила армянское общество. В результате возросла доля нетрудоспособного населения и доля социальных групп, нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства (пенсионеры, дети, матери-одиночки, многодетные семьи и т.п.). Первоначально процесс депопуляции был обусловлен физическим оттоком населения, но спустя несколько лет он дополнился еще и снижением показателя рождаемости населения в два раза. Сократилось число заключаемых браков и количество детей в новых семьях.

Процесс депопуляции сопровождался также процессом *моноэтнизации* или этнической гомогенизации общества. Дело в том, что наряду с армянами из Армении выехали представители других национальностей, населявшие страну на протяжении многих десятилетий: азербайджанцы, русские, евреи, греки, украинцы, немцы и др. В настоящее время 97% коренного населения республики составляют этнические армяне. Наряду с угрозой культурного обеднения, возможен рост националистических настроений в обществе, этнизации правящей элиты и возведения национальной идеологии в ранг государственной политики. Рост национального самосознания является характерным для многих народов, населявших постсоветские общества, которые переживают сейчас своего рода национальное возрождение.

Среди положительных сторон миграции можно выделить огромную финансовую помощь, которую армяне мигранты оказывают оставшимся на родине родственникам. По оценкам экспертов, работающие в России армяне ежегодно высылают около млрд. долларов, что в два раза превышает годовой бюджет Армении. Можно с уверенностью утверждать, что благодаря этой финансовой помощи населению удастся поддерживать существование и выживать в условиях глубочайшего экономического кризиса. Именно эта помощь смягчала остроту социального напряжения в стране.

Эволюция ценностей. В периоды больших перемен общество отказывается от прежних ценностей и обращается к новым. От того, насколько быстро оно готово к принятию *новых ценностей* и моделей индивидуальной организации жизни, зависит ход и успех трансформации в целом. Опыт изучения обществ, находящихся в состоянии "догоняющей модернизации", свидетельствует о том, что становление новых ценностей - довольно сложный и противоречивый процесс. Это фундаментальная смена ценностных систем и жизненных стереотипов, которая происходит не на пустом месте, а на "обломках распадающейся нормативно-ценностной системы" [14].

Общественное сознание некоторой части советского общества было подготовлено к восприятию ценностей демократии. Для некоторых людей европейская демократия в конце 1980-х годов выглядела весьма привлекательно. Однако довольно скоро наступило разочарование в демократических ценностях. Спустя несколько лет, социологические опросы 1994-96 гг. фиксировали в армянском общественном сознании эволюцию ценностных представлений. Разочарование в демократических ценностях усугублялось ростом "анархических" тенденций в обществе и неудачами экономических реформ. Образовавшийся аксиологический вакуум привел к опреде-

ленной деморализации общественного сознания, развитию морального плюрализма. Период разочарования сформировал атмосферу ностальгии по социалистическому прошлому.

Сегодня в сознании простого армянина доминируют ценности семьи и личного окружения. Такие ценности, как родина, страна, нация, государство, оказались отнесенными на периферию иерархии ценностей. Традиционные ценности - честность, преданность, порядочность, справедливость оказались девальвированными. Реалии общественных трансформаций отбросили их как бесполезный балласт. Индивидуализм и ранее был присущ армянскому менталитету, но в условиях рыночных отношений он еще более углубился. На смену псевдоколлективистским настроениям пришел прагматизм и социальный эгоизм. Стратегии личного успеха постепенно стали выполнять доминантную роль в массовом поведении.

Моральный релятивизм и деморализация общества, ностальгия по прошлому и желание власти "сильной руки" - вот та нравственно-психологическая атмосфера, которая достаточно полно отражает состояние аксиологического сознания армянского общества.

Расщепленность общественного сознания. Армянское общество на сегодняшний день не представляется консолидированным. Можно выделить три фундаментальные исторические проблемы, вокруг которых наблюдается консолидация общественного сознания. Это проблемы геноцида армян, независимости Карабаха, историческая парадигма некогда великого народа и христианского государства. По целому ряду судьбоносных вопросов общественное сознание в Армении раздвоено, в частности: 1) оценка недавнего прошлого Армении; социально-политическая ностальгия; 2) миграция и отношение к мигрантам; концепции патриотизма и космополитизма; 3) отношение к экономическим реформам, рынку и частной собственности ("государственники" и "рыночники"); 4) раздвоенность геополитических ориентаций: Восток и Запад, Россия и НАТО; 5) отношение к будущности армянского государства: сторонники независимости или присоединения к какому-либо новому союзу.

Раздвоение общественного сознания подпитывает конфликты и противостояния переходного периода. Часть современного общества принадлежит к прошлой формации, другая его часть пытается адаптироваться к новым условиям. Причем в обеих частях имеются представители различных поколений, люди разного возраста и различных социальных слоев. Патогенез раздвоения кроется в самом трансформационном состоянии социума. Вместе с тем, по нашему мнению, причины "расколото-го социума" и раздвоенности общественного сознания можно искать также в историческом и геополитическом позиционировании самой Армении между Европой и Азией, между культурами Запада и Востока, христианским и мусульманским мирами, развитым Севером и отсталым Югом.

Трансформационный ресурс. Одна из главных причин потери управляемости процесса реформирования в Армении - неправильный учет трансформационного ресурса общества. Реформирование социальной сферы наивно рассматривалось как вторичное, автоматически вытекающее из институциональной реформации экономической и политической сфер. Архитекторы "армянской модернизации" упустили из внимания, пожалуй, самый главный фактор любых социальных преобразований, а именно: формирование того социального класса, при непосредственном и заинтересованном участии которого реформы будут претворяться в жизнь и закрепляться в жизни. Интенсивность и масштаб реформ в условиях войны, блокады и глубокого энергетического и экономического кризиса стали причиной растерянности и отставания общества. В результате социальный ресурс модернизации не был задействован и реформы забуксовали. К тому же следует учесть еще одно важное обстоятельство: в период самого интенсивного введения реформ началась миграция экономической и политически активной части населения. Это значит, что трансформационный ресурс не только не был достаточно задействован, но и оказался изрядно ослаблен.

Трансформационная динамика, таким образом, в начальном периоде реформ испытывала (и испытывает) серьезный "внутренний" недостаток в социальном ресурсе, а на последующих этапах будет ограничиваться уже внешними геополитическими, региональными факторами. Имеются в виду сложная геополитическая ситуация в регионе, отсутствие коммуникаций и блокада дорог и др. Исходя из этого, можно утверждать, что *трансформация армянского общества не будет полностью завершена до тех пор, пока не будут устранены внешние неблагоприятные факторы*. Можно даже предположить, что ее динамика и развитие в силу этих факторов будут скомканы, не будут доведены до логического (или по крайней мере теоретического) завершения и потому застрянут на какой-то промежуточной фазе.

Опыт постсоветских демократий показал, что рыночная экономика вполне может сочетаться с авторитарным политическим управлением. Дело в том, что все реформы ложатся на культурную "матрицу" общества и преобразуются в соответствии с общественной практикой и традициями. Одни и те же трансформационные модели совершенно по-разному реализуются в различных социокультурных средах. Очевидно, что огромная часть армянского общества не восприняла и не поддержала реформы переходного периода. Именно поэтому транзитивная модель армянской модернизации не получила достаточно широкой поддержки и не смогла привлечь необходимый социальный ресурс.

Как ни странно, Армения, обладающая солидным научным потенциалом, практически не задействовала его для научного обеспечения проводимых реформ. Доверие к западным рецептам и недоверие к своим научным кадрам обусловили окончательное отлучение науки от процессов трансформации общества. Между тем, *модернизационная теория должна быть с национальным лицом, а не являться чем-то универсальным для всех модернизирующихся обществ*. Развитие демократии на собственной культурной основе или, по крайней мере, без отрицания собственных базовых культурных ценностей было бы намного благоразумнее. Прежде всего внутренние культурно-исторические и национальные особенности, с одной стороны, и внешние геополитические условия - с другой, будут во многом определять, какой именно тип модернизации наиболее приемлем для нашего общества.

Контуры новой идентичности. Краеугольным камнем национальной идентичности долгое время являлся облик жертвенной нации, испытавшей на себе в начале XX в. гонения со стороны турецких властей и геноцид. *Облик жертвенности и задачи национального выживания были определяющими факторами армянского национального самосознания*. Именно такой "идентификационный код" достался армянам исторически и был еще более закреплён событиями последних лет прошлого столетия.

Современное общественное сознание армян, переживших многочисленные испытания, наполнено различными страхами, ожиданиями новых угроз и бедствий [15]. После землетрясения 1988 г. "катастрофическое сознание" в какой-то период стало преобладающим. Однако спустя 10 лет после землетрясения многое изменилось. Сегодня людей больше волнуют проблемы выхода из тяжелого экономического кризиса, чем угроза природных бедствий. Народ устал противостоять ударам судьбы, жить в состоянии постоянного страха, в ожидании грядущих бедствий. Общество нуждается не столько в иностранных инвестициях, сколько во внедрении оптимистических настроений.

С конца прошлого - начала нынешнего столетия в *самосознании армян начинается новый период*. В общественном сознании произошли серьезные сдвиги. Они обусловлены двумя историческими событиями: победой на полях карабахской войны и восстановлением независимой государственности. Армяне постепенно преодолели психологический комплекс жертвы. Признание исторического факта геноцида парламентами многих европейских государств за последние несколько лет помогло разорвать "заговор молчания" вокруг этой темы. Эти события фундаментальным

образом изменили психологический облик современных армян, ознаменовали начало новых тенденций в национальном самосознании и фактически стимулировали развитие новой идентификационной модели.

Предприимчивость, находчивость, стремление к успеху и поиск пути более полной самореализации представляют собой *контуры новой армянской идентичности*. На этом пути армяне приходят к новому самосознанию, далеко выходящему за рамки формальной армянской государственности. Новая национальная идентичность для армян складывается в эпоху глобализации и не может не нести на себе ее черты [16].

Разные части армянского этноса проживают в совершенно различных общественно-исторических условиях. Эта внетерриториальная, надгосударственная "протяженность" в географическом пространстве и "растянутость" в социальном времени создают уникальные условия для новой национальной идентичности армян в XXI веке. В процессе глобализации происходит переход к *сетевой системе связей*, которая предполагает "непривязанность" к конкретной стране. Она развивает транснациональные структуры с капиталом, во много раз превосходящим национальные бюджеты целых государств. Армянская национальная "модель модернизации" должна строиться с учетом этой особенности глобализации. Судьба распорядилась таким образом, что реальное пространство армянской диаспоры давно существует в некоторой сетевой структуре, далеко выходящей за пределы армянского государства. Историческое прошлое армянского этноса как бы подсказывает пути для его будущего. Век глобализации может стать для армян периодом продуктивного интегрирования в новый миропорядок путем активизации сетевого потенциала армянской диаспоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на западе. М.: Academia, 1999.
3. Ядов В.А. А все-таки Россию умом понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 12.
4. Смелзер Н. Социология, М.: Феникс, 1994. С. 12-13.
5. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 155.
6. Nations in Transition. 2001. Freedom House, USA, 2001. P. 36.
7. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000.
8. Pogosyan G., Mkhitarian S. Party Pluralism in Political Practice of Armenia // "Mkhitar Gosh", Scientific-Methodical Review. 2004. № 2 (4). P. 28-38.
9. Marsh A. Protest and Political consciousness. London, 1977.
10. The reading of Newspapers in Armenia (Ed. G. Poighosyan). PROMEDIA/ASA, Yerevan, 2002.
11. Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социол. исслед. 2001. № 8. С. 3-11.
12. Погосян Г.А. Армянское общество в трансформации. Ереван: ЛУСАБАЦ, 2003.
13. Папоян А., Багдасарян Н, О некоторых вопросах трудовой миграции населения Армении в Россию. Ереван, 1999. С. 10.
14. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 44-45.
15. Катастрофы и общество. М.: Контакт-Культура, 2002. С. 195.
16. Погосян Г. Глобальные тенденции мирового развития и перспективы Кавказа // Общество и экономика. М., 1999. № 10-11. С. 226-230.